

К Р О К О Д И Л

№ 5 МОСКВА 1945

ГОД ИЗДАНИЯ XXIV

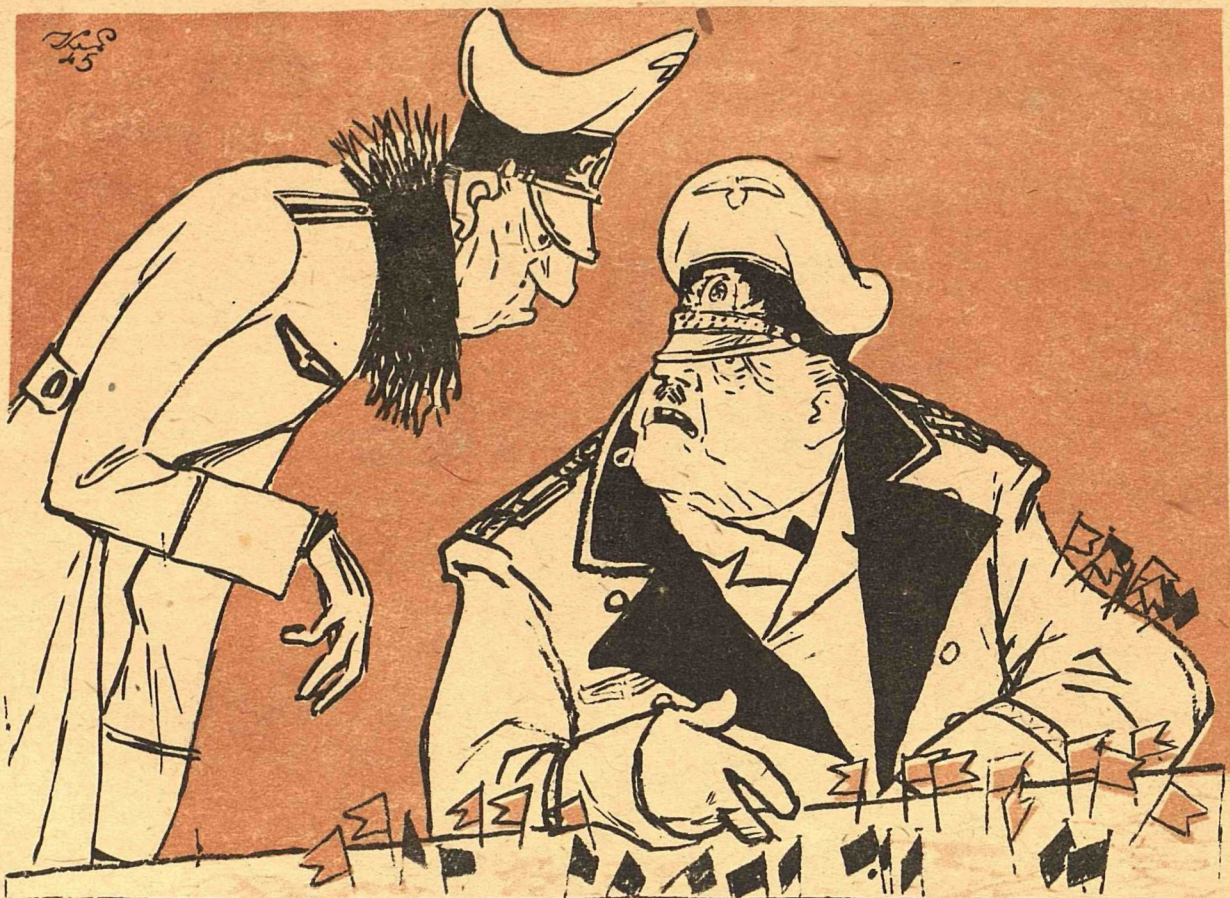
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ЦЕНА НОМЕРА — 80 КОП.



— Ты где, Самохин, начал воевать?
— На дальних подступах к Берлину.
— Где же это?
— Под Сталинградом.

Рис. Л. Бродаты



— Итак, господин полковник, на чём мы остановились?
— Ох, господин генерал, остановиться-то мы как раз и не можем.

ОТ СОБСТВЕННОГО
КОРРЕСПОНДЕНТА



МЮНХЕН. Имперское министерство пропаганды сообщает, что по вине Красной Армии во вчерашней сводке вкралась опечатка. Напечатано: «Померания»; конечно, надо читать «Помиракле».

БЕРЛИН. Когда начальник немецкого генерального штаба Гудериан информировал Гитлера о потере в Восточной Пруссии приморской косы Курише Нерунг, последний сказал: «Потерявши голову, по косе не плачут».

БЕРХТЕСГАДЕН. Гитлер вызвал сюда Геббельса и поручил ему оборону Берлина. Паника в столице усилилась.

БЕРЛИН. В беженских кругах Берлина царит непоколебимая уверенность в том, что под умелым руководством фюрера придётся неослабно драпать дальше.

ЛЕЙПЦИГ. Прибывавший сюда из Берлина доктор Шнеллер при большом стечении публики прочёл в остатках местного театра популярную лекцию на тему «26 дней рысью». В фойе театра была организована бойкая торговля наострѣнными лыжами, пяточным салом и патентованными пилюлями от медвежьей болезни.

СТОКГОЛЬМ. Здесь ходят слухи, что врачи, пользующие американскую журналистку Дороти Томпсон, обратились к командованию Красной Армии с просьбой прекратить по возможности наступление на Германию, так как взятие русскими каждого нового населённого пункта чрезвычайно тяжело отражается на хрупком здоровье их пациентки.

В Берлине, на вокзале

УПОРНО го... го... говорят, что в последний момент фюрер со... со... совершит чудо...

— Так, может быть, мы совершенно зря бежим? Но ты бледен и дрожишь, как студень. Отчего у тебя стучат зубы?

— З... з... зубы? Не знаю. Они же у меня вставные, я за них не отвечаю. Скорей, в машину — и на вокзал!

Вокзал... То есть это раньше так называлось — вокзал! Теперь это скорее картина страшного суда в грубо натуралистической манере.

Нет, страшный суд на картинках выглядит куда благообразнее. На грешниках были тоги и мантии спокойных цветов, а если они и кусались и дрались, эти грешники, за место в раю, то всё же на полотне в назидание потомству художник запечатлел их в пластичных позах.

Потомкам не до поз. Например у герра Зенкера котелок сбился на затылок, клетчатое пальто в ключьях, в руках чемоданы. В зубах был саквояж, битком набитый марками, но он благообразно выплонул его. Чудеса да и только! Выплюнь такую вещь! Или, может быть, это действительно такое, как говорят, — лермо, что не стоит за него держаться зубами? Зато теперь его рот свободен и он может ругаться и кусаться направо и налево.

— Ещё раз повторю! — надрывается какой-то обер-лейтенант. — Производится эвакуация особ свыше 65 лет и до 12! Куда вы лезете, доннер веттер?!

Мужчина с щеками, похожими на серый студень, неудержимо рвётся к вагону:

— Мне восемьдесят!

— Он лжёт! — визжит дама с картонкой. — Он лжёт! Это нам вместе восемьдесят.

— Пропустите моих девочек! — кричит особа с побелевшими глазами. — Господин обер-лейтенант, мой дом был самым дорогим и приличным, а вам всегда делали десятипроцентную скидку!

Некая фрау кричит истерически:

— Чорт знает, кого берут! А я честная женщина — меня не берут! Я больная я развалина!

— Подумайте, какое чудо! Все теперь — развалины, кругом развалины!

Мужчина, небритый, как боров, врезается в толпу:

— Где тут эвакуируют тюрьму? Где вагон с уголовниками?

— Да это же герр Баух?! Герр Баух, зачем вам уголовники?

— Как зачем? Вы думаете, что я коммерсант с Розенштрассе, а я, по сути дела, вор и только вор, чорт меня побери! И я хочу занять своё место.

— Разрази меня гром, эта идея не хуже всякой другой... Берегитесь! Расступитесь! Я Ганс фон Фрезе, матёрый убийца! Проводите меня в одиночное купе для убийц. Матильда, ты жена убийцы — следуй за мной! Карл, Фрицхен, не теряйте присутствия духа и чемоданов. Вперёд! Расступитесь, я за себя не ручаюсь!

Поднимается дикий шум.

— Удивил! Он за себя не отвечает! Все за себя не отвечают. Фюрер за всех отвечает!..

Поезд качается под напором толпы. Вот-вот он опрокинется колёсами вверх...

На обер-лейтенанта наседают сзади, спереди, с боков.

— Два слова, по секрету... — шепчут в правое ухо, шипят в левое: — Десять тысяч марок, лишь бы куда-нибудь приткнуться.

— Что такое?! — свирепеет обер. — Да вы знаете, что я с вами сделаю? Да вы знаете, что вы мне предлагаете?! (Шопотом.) Быстрей давайте доллары. От пятого до хвоста — любой вагон.

Поезд трогается.

— А всё-таки упорно говорят, что фюрер может совершить чудо в последний момент...

— О, вероятно, это будет грандиозно, как всё, что делает фюрер!

— Тш-ш... На что вы намекаете? На наше грандиозное отступление?

— А я говорю, что на всё грандиозное приятнее смотреть издали.

— Откуда?

— Откуда-нибудь, где... ну, где приблизительно безопасно.

— А где безопасно?..

В. КАРБОВСКАЯ

Восемь сорок

(ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ «СЫН ПОЛКА»)

...И ВОТ парикмахер, наконец, явился, предшествуемый Горбуновым.

— Ну-ка, друзья, попрошу вас. Не раскидывайтесь. Освободите лишнее место. А то товарищу парикмахеру неловко будет работать. Надо ему создать для работы необходимые условия,— говорил Горбунов, суетливо расчищая для парикмахера место и ставя по середине тесной, маленькой землянки ящики из-под юсколочных гранат.— Иди сюда, Ваня. Садись. Не бойся. Сейчас тебя товарищ парикмахер будет стричь.

Чувствуя необыкновенно сильное, приятное волнение человека, вступающего в новую, прекрасную жизнь, Ваня сел на ящик и робко положил руки на колени.

— Все взоры в эту знаменательную минуту были обращены на него, на маленького босого пастушка, готового к превращению в солдата.

Парикмахер был молодой человек с добрыми воспалёнными глазами и эгегической улыбкой на рыжем лице. По званию он был сержант, но погонов его не было видно, так как на нём поверх толстой шинели был надет очень узкий и очень короткий, совсем детский бязевый халатик, из бокового кармана которого торчала алюминиевая гребёнка.

Он был военоторговский парикмахер. Фамилия его была Глазс. Но по фамилии его называли редко. А большей частью называли его «Восемь сорок».

Это прозвище утвердилось за сержантом Глазсом с июля 1943 года, когда он под Орлом однажды брил приезжего писателя, корреспондента «Красной звезды».

Он усадил писателя на травке, на обратном склоне холма, известного в донесениях того времени как «безымянная высотка к северо-западу от железнодорожного виадука».

Бритьё происходило метрах в пятистах от немецкого переднего края. Немцы всё время вели по «безымянной высотке» так называемый тревожащий огонь из миномёта.

Но сержант Глазс любил свежий воздух и предпочитал работать на просторе, а не мучиться в тесной щели, где нигде было повернуться, тем более что, как известно, немецкий тревожащий огонь обыкновенно меньше всего тревожил русских.

Сержант Глазс брил писателя с особенным старанием, с душой, желая дать ему понять, что парикмахерское дело поставлено в военторге на должную высоту.

Он побрил писателя очень тщательно, два раза: один раз — по волосу, а другой раз — против волоса. Он хотел пройтись ещё и третий раз, но писатель сказал:

— Не надо.

Затем Глазс подровнял писателю волосы на затылке и спросил, ка-

кие виски он предпочитает: прямые, косые или севастопольские полубачки?

— Всё равно,— сказал писатель, прислушиваясь к разрывам мин на гребне «безымянной высотки».

— В таком случае я вам сделаю косые. У нас почти все гвардейцы-миномётчики предпочитают косые.

— Ну, пусть будут косые,— сказал писатель.

— Вас не беспокоит? — спросил Глазс, уловив некоторое раздражение в голосе клиента.

— Я тороплюсь,— сказал писатель.

— Пять минут, не больше,— сказал Глазс.— Я должен вам сделать виски как следует быть, для того чтобы вы могли иметь представление о работе военоторговских парикмахерских. Может быть, это вам пригодится как материал для статьи.

В то время когда Глазс делал писателю второй висок, довольно близко от них разорвалась мина.

— Не беспокойтесь,— сказал Глазс,— он жидает наобум. Это никого не волнует. Разрешите поудрить?

— У вас есть и пудра? — удивился писатель.

— Разумеется. У нас есть всё, что положено для культурной парикмахерской.

— Как, даже одеколон? — ещё больше изумился писатель.

— Разумеется,— сказал Глазс.— Разрешите освежить?

— Освежите,— сказал писатель.

Глазс вынул из кармана склянку, сунул в неё трубку и подул писателю в лицо одеколоном. Он уже собирался вытереть клиенту лицо вафельным полотенцем, как вдруг прислушался и сказал:

— А вот теперь я вам советую на одну минутку спуститься в щель.

И едва они успели спрыгнуть в щель, как совсем рядом разорвалась мина, в один миг уничтожившая все инструменты Глазса, оставленные на траве: помазок, чашечку, оселок, тюбик крема для бритья и зеркало.

Когда ветер унёс коричневый дым, писатель спросил не без юмора:

— Сколько прикажете?

Тогда парикмахер поднял свои воспалённые глаза к небу, некоторое время шевелил губами и, наконец, сказал:

— Восемь сорок.

Писатель этого не ожидал.

— Дороговато,— сказал он довольно мрачно.

— Такие цены,— вздохнул парикмахер, пожмая плечами.— Если угодно, я могу вам показать преискуронт, утверждённый военторгом. Но если вы почему-либо не при деньгах, не беспокойтесь. Я могу подождать. Вы мне отдадите после. Какая разница?

Вот каков был человек, явившийся брить пастушка.

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

КРАСА ФОЛЬКСШТУРМА

Полковник сказал перед строем,
Единственный выпучив глаз:
«Солдаты, арийцы, герои,
Германия смотрит на вас.
Пред вами задана святая —
Спасти нашу расу и честь.
Шагайте, преграды сметая.
Я кончил. Претензии есть?»
На это какой-то дотошный
Калека — протезы по швам —
Прошептал: «А Гитлера тоже
Нельзя ли в компанию к нам?
Есть старцы у нас и кретины,
Слепой и глухой матерьял,
Но фюрер украсит картину.
Он голову потерял».

Е. КУЛЕШОВ

Действующая армия.

ЛЕС ШУМИТ...

Старая, видавшая виды осина сказала молодой:
— Недолго нам с тобой жить осталось.
— А что такое, тётянка?
— Вот-вот придут сюда люди и спилят нас.
— Это зачем?
— Сделают из нас перекладыны. А на тех перекладынах будет болтаться Гитлер со своей компанией.
— Они будут повешены и на тебе и на мне?
— Да, моя милая. Они безобразничали, а в ответе — мы: собак-то будут на нас вешать.

ДИТЯ ВАТИКАНА

Рис. А. Капевского



РЕДАКТОР «КАТОЛИК ТАЙМС»: — Пожалейте этого бедного сироту!.. У него остался только... папа.

Рис. Бор. Ефимова



— Ну как, Ганс?
— Пора!..

Старушка с сюрпризами

Я ВАМ, дорогие мои, так скажу: прожила я на свете все шестьдесят три года целиком — день в день. Но я ещё по дому любую работу могу справиться: и стоголо, что хочешь, и полы вымою, и паутину с самого потолка достану. Но есть, конечно, одно дело, которое для меня тяжелее самой чёрной работы. Это, я вам скажу, ходить куда-нибудь в учреждение, хлопотать о чём-нибудь и предъявлять разным заведующим справки.

А тут как раз началась у меня в комнате, акурат в самой середочке, капель. Чуть дождь — и у меня барабанит и на стол, и на кровать, и по самым дорогим моим фотографиям на комод. Я — к управдому. Управдом говорит:

— Без бумажки от нашего районного на-

чальства ремонт произвести не могу, потому, мол, тут нужен и тёс, и купорос, и дранки, и олифы три банки. А у меня, — говорит, — ничего сейчас нет. Я, — говорит, — могу только дать вам справку, что вам капает на самую макушку, и с этой справкой вы идите туда-то и туда-то и просите себе ремонта.

И вот с этим ремонтом я посоветовалась кое с кем из своих, справочку захватила, что я есть мать офицера-фронтовика Александра Копылова, и пошла к районному жилищному начальству.

Пришла. Подождала, как водится. Впустили меня в кабинет.

В кабинете сидит заведующий, весь в окурках, в бумагах, в папках, в карандашах. Одной рукой в телефон кричит, другою рукой резолюции накладает.

Ну, подождала я, пока он трубку повесил, и говорю:

— У меня к вам, товарищ заведующий, дело есть.

— Короче!

— Я, — говорю, — мать фронтовика...

— Короче! Как фамилия?

— Копылова, Анна Степановна. Живу я в комнате...

— Все живут в комнатах. Короче!

— Да, но не у всех, — говорю, — капель посреди комнаты. И на постель капает, и на комод, и на стол...

— Какая капель? Короче!

— А вот, — говорю, — если вы не будете говорить «короче», оно и выйдет короче!

И рассказываю ему, что и как. Выслушал он меня, почесал себе загривок. Говорит:

— Надо бы вам, бабушка, помочь. Да вроде лимитов у нас мало.

И не успел мой заведующий толком задуматься, как приносят ему какую-то записку, он в неё углубился, прочитал и закричал своим секретаршам:

— Эй, посмотрите: не приходила ли к нам мамаша полковника Семёнова?

А я говорю:

— Чего ты шумишь? Я и есть мать гвардии полковника Семёнова.

— Позвольте, — говорит, — гражданка (забудьте: уже не «бабушка», а «гражданка»), ведь ваша фамилия была какая-то другая...

Я говорю:

— Копылова. Два раза я тебе говорила. А за Семёновым, за полковником, дочка моя Ольга. И он меня всегда называет мамой.

Заведующий бровями поиграл от удивления, потом говорит:

— Значит, гвардии полковник Семёнов заинтересован в том же ремонте?

— В том же самом, — говорю.

— Гм-м, гм-м... Хотя, — говорит он, — с лимитами у нас туговато, но надо будет пойти вам навстречу...

А тут задребезжал телефон. Заведующий берёт трубку и говорит сперва этак солидно, баском:

— М-мда...

Потом уже поуже:

— М-да.. Да?.. Да?! Да, да!.. Да-а!..

Положил трубку, вскочил и на ходу ещё кричит:

— Кто там в приёмной есть от генерал-лейтенанта Ростовцева? Попрошу сейчас ко мне.

Я ему опять:

— Не шуми, — говорю, — голубчик. Я от генерала Ростовцева, опять я...

— Вы же, — говорит, — есть уважаемая Копылова.

Слышите? Не «бабушка», не «гражданка», а уже «уважаемая».

Я говорю:

— Истинно. Сама я уже лет тридцать пять, как «уважаемая Копылова». Но только не всегда я была в старушечьем возрасте. Была и молодою. И рано, — говорю, — овдовела. Вышла во второй раз за Петра Ивановича Копылова, а Серёжа-то, то есть нынешний генерал-лейтенант, он от первого брака — Ростовцев, Сергей Константинович.

Заведующий малость очухался, спрашивает:

— Значит, и генералу требуется всё тот же ремонт?

— Тот же самый, — говорю.

— Ну, конечно, — говорит, — завтра приступим. Но у меня к вам, Анна Степановна, имеется один вопрос.

— Насчёт ремонту?

— Нет, насчёт ваших детей. Сколько их у вас?

— В живых семеро. Значит, Александр, который лейтенант; Ольга — жена полковника Семёнова; Сергей — генерал; Василий ещё есть...

— Этот, поди, академик?

— Нету. Нету. Он рабочий. Фрезеровщик.

— Что же он так отстал у вас, Анна Степановна?

— Неизвестно, отстал ли. Вася у меня — лауреат Сталинской премии. В журналах его портреты прямо каждую минуту печатаются. Потом Клавдия — инженер; потом Валентина — студентка и Борис — школьник в девятом классе.

И тут акурат телефон опять дребезжит. Он трубку зял, послушал немного и мне это:

— Больше у вас детей нету?

— Окромя тех семи, что говорила, вроде и нету.

— Нет, я ведь почему, Анна Степановна... Мне вот по телефону сообщают, что сейчас со мною будет один замнаркома говорить. Так я думаю: не насчёт ли опять вашей капели?..

В. АРДОВ



— Клянёмся, что если мы отступим, пусть наших детей и внуков расстреляют!..



— Клянёмся, что если мы отступим, пусть наших дедов и прадедов расстреляют!..

Рис. Б. Фридкина



— Товарищ, подвези до конца вывески!
— Дай раньше заправиться.



КРАСАВИЦА

— Какая красавица!..
Это восклицание повторилось на пароходе чуть не ежеминутно. Все пассажиры были приятно взволнованы. Люди интеллигентные говорили:

— Какая красавица!..
А не интеллигентные ласково поругивались в восхищении от неё.

Она же, остановившая на себе общее внимание, стояла у борта парохода и грызла семечки подсолнухов...

Больше всех других был поработён ею юноша с бледным, худым лицом и длинными русыми волосами. Очевидно, он был болен.

Глядя на неё, он вздрагивал и его серые глаза блестели лихорадочно. Если б нужно было обрисовать его сразнением, следовало бы сказать, что он был похож на кучку лепла, в которой ещё пробегали золотые змейки огня, эти красивые судороги угасания. Он весь ушёл в свои глаза, любуясь ею, и всё шептал своему соседу, пожилому человеку с седыми усами:

— Заговорите с нею! Пожалуйста! У ней, должно быть, прекрасный, звучный голос. Мне хочется видеть, что ещё даст ей речь! Это, наверное, будет музыка, роскошная музыка. И тогда она, эта женщина... будет вдвойне красива.

И, весь вздрагивая от ожидания, он то и дело толкал соседа, хитро поведившего усами, разглядывая красивую женщину.

Но она заговорила сама, звучным контрально, неровным и прерывистым от избытка силы и обилия звука:

— Вот так тепло сиди!..

Юноша вздрогнул:

— Взопрела я... бе-еды как!..

Юноша с печальным испугом в глазах взглянул на своего соседа. Тот вкусно улыбнулся и крутил ус.

— Да ишо кирасином воняет тут! И мухи тоже... Прорва их... Так жгут!..

И она стала свирепо чесаться, отчего её полная грудь вызывающе заколыхалась.

Публика весело и одобрительно хохотала...

Бледный юноша тихо повернулся и, наклонив голову, тусклый и печальный, отошёл прочь, так поводя плечами, точно на них лилась ледяная вода...

М. ГОРЬКИЙ

1895 г.

ВОТ ЧУДАК...

— Что вы просите?
— Я прошу места...
— А кто за вас просит?
— Никто не просит.
— Так что же вы просите?

(«Искра» № 47 за 1860 г.)

ОСОБАЯ ПРИМЕТА

— Иван, что у тебя на щеке?
— Бородавка.
— Что ж ты не сведёшь её?
— Нельзя с! Она прописана в паспорте особой приметой.

(«Искра» № 5 за 1861 г.)

ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ

— Как вы, Пётр Иванович, об этом деле думаете?
— Да как вам сказать! Я думаю, что оно-таки... тово...
— Именно, именно! Я сам то же думаю.
— А впрочем, если взглянуть с другой стороны, то, пожалуй, и не тово...
— У нас с вами всегда одни мысли.

(«Развлечение» № 4 за 1861 г.)

ТРАГИЧЕСКОЕ РОДСТВО

Один филаделфийский обыватель покончил самоубийством, оставив следующую записку: «Я женился на вдове, у которой была взрослая дочь. Мой отец влюбился в мою падчерицу и женился на ней. Таким образом, он стал моим зятем, а моя падчерица стала моей матерью, как жена моего отца.

Жена моя родила сына, который является шурином моему отцу и дядей мне, как брат моей падчерицы.

Жена моего отца тоже родила сына, который, конечно, является моим братом, а также моим внуком, как сын моей дочери.

Следовательно, жена моя стала моей бабушкой, как мать моей магери, я являюсь мужем своей жены и её внуком в одно и то же время. И так как муж бабушки какого-нибудь лица является дедушкой этого же лица, то, значит, я являюсь дедушкой самому себе».

М. ТВЭН

НАСЕДКА И КОБЫЛА

К соседям зависть, к их судьбе,
Питаем мы нередко...
В курятнике сама себе
Кудахтала наседка:

«Сижу на яйцах день за днём,
Все радости забыла,
А мимо ходит под седлом
Счастливица кобыла.

И мне седло пошло б к лицу,
Не хуже б этой дуры
Караковому жеребцу
Я строила бы куры.

Увы, с романтикой простись,
Отбрось о скачках мысли,
А я меж тем могла б нестись,
Нестись — в высоком смысле!..»

Кобыла в то же время ржёт:
«На яйцах я б сидела,
Меня к наседке зависть жжёт.
Цыплята — это дело.

А тут носись, забыв про день,
Как сумасшедший «виллис»!..
И поменяться в тот же день
Соседки сговорились.

«Теперь пойдут у нас дела,
Повремените малость!»
В курятник лошадь побрела,
Наседка заседлалась.

Наседка ржёт: «Кудах-тах-тах!»
Вы посудите: вес-то!
Летит перо, и пух, и прах,
А курица ни с места.

Уселась, обессилев, в грязь,
И крылышки обвисли —
И в результате понеслась,
Увы, в курином смысле.

Её подружки (курам смех)
Хохочут на насесте:
«Кобыла на глазах у всех
Сидит на курьем месте!»

И у кобылы нервный шок,
Огорчена кобыла:
Она в яичный порошок
Все яйца превратила.

И ходят, опустив хвосты,
Кобыла и наседка.
А вывод?.. Выводы просты,
Мы слышим их нередко.

Всяк на своей стезе трудись,
Трудись и будешь правым.
Коль ты кобыла — ты несись.
Ты курица?.. И ты несись!
Ни пуха, ни пера вам!

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ

Давайте поговорим

— Как здоровье, товарищ Смышляев?
— Спасибо, Никанор Петрович. Так всё бы ничего... Но вот наднях...
— Это я к тому вас спрашиваю, что сейчас опять надо проявлять чуткость.
— Спущена директива?
— Определённых указаний со стороны наших районных организаций ещё нет. Но что-то такое носится в воздухе... Что вы там такое сказали о вашем здоровье?
— Так всё бы ничего, Никанор Петрович... Но вот наднях...
— Это я вам, товарищ Смышляев, как своему подчинённому задал правильный вопрос. Нам надо заботиться о людях. Окружать заботой. И даже справляться о здоровье.
— Спасибо, Никанор Петрович. Вот я и говорю: так бы всё ничего... Но вот наднях...
— Кстати, Смышляев, вы сами, как секретарь нашего учреждения, проявляете чуткость?
— Перегружен я очень. А когда выпадает свободная минута, сразу проявляю.
— Это хорошо. Можете вспомнить какой-нибудь факт?
— Сколько угодно. Вот, например... Например... Память что-то у меня...
— Вот видите. Даже вспомнить не можете. Жвалю! За скромность хвалю. Другой сделает на копейку, а шумит на полтину. А вы что-то совершили — и сразу из памяти вон.
— Совершенно верно, Никанор Петрович.
— А между тем вы сами нуждаетесь во внимании. Вот вы что-то начали говорить насчёт здоровья...
— Спасибо, Никанор Петрович. Так всё бы ничего... Но вот наднях...
— Наднях это вызывает меня наш новый председатель райсовета. Чудной парень. Не успел ещё приступить к работе, а сразу напирает на чуткость. «У вас, — говорит, — Никанор Петрович, в подведомственном вам коммунальном отделе нет заботы о живом человеке».
— Всего не охватишь, Никанор Петрович.
— Садитесь, Смышляев. Чего вы стоите? Давайте поговорим. Вы что-то кажется, и на здоровье жалуетесь?
— Спасибо, Никанор Петрович. Так бы всё ничего... Но вот наднях...
— Ну, давайте конкретно. В каких звеньях аппарата нашего коммунального отдела надо поднять чуткость?

— В парикмахерских она уже намечается, Никанор Петрович: там в последнее время проведёны кое-какие мероприятия по линии одеколона и чуткости. В банях можно бы развить чуткость, если бы подбавить горячей воды. Вот в коопремонт сменить заведующего за грубое обращение. Опять же работники похоронного бюро в последнее время начали проявлять заботу о живом человеке.
— Значит, всё-таки кое-что есть. Но это ещё не достаточно на сегодняшний день. Чего это вы ёрзаете, товарищ Смышляев? Плохо себя чувствуете, что ли?
— Так всё бы ничего... Но вот наднях...
— Я и говорю: это ещё не достаточно. Наш новый председатель будет нажимать по этой линии. Давайте поговорим, что следует внедрить. Возьмём, к примеру, посетителей.
— Возьмём посетителей.
— Согласен. Возьмём посетителей. И давайте посмотрим на них с точки зрения чуткости. Говорят, они часами простаивают у нас в приёмной.
— За отчётный период действительно...
— Вот-вот. А нельзя ли поставить вопрос...
— Поставить вопрос можно. Но не отразится ли это на текущей работе?
— То есть?
— Как бы из-за людей не пострадали бумаги: наляжем на посетителей — и ослабим переписку.
— Да, тут нельзя перегибать. Но всё же кое-что надо...
— А я вот что думаю, Никанор Петрович. Поскольку директивы на сей предмет мы ещё не получили, не мешает воздержаться. Ежели мы сейчас всё провернём, о чём будем писать в отчётах, когда объявят кампанию в районе?
— Это вы правильно, Смышляев. В таких вопросах нельзя ни отставать, ни забегать вперёд. Ну, идите работать. Очень рад, что вы здоровы...
— Так всё бы ничего, Никанор Петрович... Но вот наднях...
— Очень рад, очень рад! Ну, пока!..

Г. РЫКЛИН



(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

В нашем Икон-Халкском районе 149 семей фронтовиков и 1 заведующий отделом государственного обеспечения семей военнослужащих. Спрашивается: как этому заведующему тов. Симхову распределить мануфактуру, специально полученную для особо нуждающихся семей фронтовиков?

Симхов решил эту задачу очень просто: около половины мануфактуры он взял себе, а остаток роздал по своему усмотрению.

Как ты думаешь: не будет ли ошибкой, если отдел, возглавляемый Симховым, отныне будет переименован в отдел обеспечения Симхова? Мне кажется, это вполне будет соответствовать истинному положению вещей.

ШЕВЗУХОВ

Аул Адыге-Хабль,
Черкесской автономной области.

Дорогой Крокодил!

Когда-то, давным-давно, художественные зрелища в глубокой провинции находились в тяжёлой зависимости от... состояния солнца. Так и писали на афишах: «Начало спектакля после захода солнца».

В наш век технического прогресса такие неудобства абсолютно исключены. Не только в театрах, но, скажем, на транспорте стали пользоваться замечательным изобретением, именуемым часами. В незапамятных достоинствах этого изобретения я убедился 3 декабря 1944 года, присутствуя в качестве пассажира на Курском вокзале в Москве.

В этот незабываемый вечер я, согласно купленному билету, должен был покинуть столицу в 20 часов 30 минут с поездом № 14 Москва—Тбилиси. В установленное расписанием время поезд не ушёл. И тут мы полностью оценили, какую огромную роль играют часы. Диктор объявил нам совершенно точно, что «отправление поезда будет не ранее двадцати четырёх часов».

В 24 часа поезд не ушёл. Наступило 4 декабря. И тут пассажиры во второй раз оценили значение часов. Диктор вновь объявил, что «посадка на поезд будет не ранее трёх часов».

В 3 часа посадка не началась. И тут мы в третий раз оценили значение часов. Диктор в третий раз объявил, что «посадка на поезд № 14 будет не ранее шести часов утра».

В конце концов мы всё-таки уехали. Очарованные, сидели пассажиры в вагонах, тепло вспоминая руководителей Курского вокзала, которые научились определять время отправления поездов с точностью... до 12 часов!

М. ПЛЕИЦЕР

г. Краснодар.

Дорогой Крокодил!

В Иркутске стоят сильные морозы. Стужа проникает всюду. Она не пощадила даже таких солидных людей, как председатель Кировского райсовета депутатов трудящихся тов. Мусину и зав. райкомхозом тов. Жук. От них веет таким холодом, что решение Иркутского горсовета о благоустройстве и культурно-бытовом обслуживании попал к ним, совершенно обледенело и не подаёт никаких признаков жизни.

— Не могло это решение обледенеть, — могут возразить Мусина и Жук. — Ведь оно вынесено горисполкомом осенью, когда морозов не было.

Ну, не обледенело, согласны. Оно просто стоит на точке замерзания.

ХОРТОВ, КОТОВЩИКОВ,
курсанты межобластных курсов
совработников

г. Иркутск.

Товарищ Крокодил!

В Уфе появилась новая мода на мужские костюмы. Если раньше носили брюки с отверстиями, жилет носили с средним вырезом, а пиджак носили однобортный или двубортный, то теперь исключительно носят материал подышкой в тигриных поисках мастерской, где бы взяли сшить костюм.

Вот и мы стали жертвой этой новой моды. Материал чуть ли не износили до дыр, однако никто от нас не принимает заказа на пошивку.

Как хорошо было, когда существовала прежняя мода!

С. МАВЛЮТОВ,

Р. ЯНБУХТИН,

инвалиды Отечественной войны

г. Уфа.

НЕПОЛАДКИ МЕХАНИЗМА

Рис. Б. Кляича



— Автомат испортился! Раньше, бывало, поговоришь — и два гривенника возвратятся обратно... А теперь бьюсь, бьюсь — ничего не выходит!

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУРЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 р. 20 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП (б) „Правда“.

Москва.

Изд. № 127.

Подписано к печати 15/II 1945 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 1. Кол. экз. в 1 печ. л. 78 000.

А 5454

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 344.

Тираж 100.000 экз.

49

774-3

СОСТРАДАТЕЛЬНАЯ ЛЕДИ

Рис. М. Черемных

ВЕРНАТ. ЭКЗЕМПЛЯР
6
Возв. №. Издательство



Получ.
в ред.

— Помирись!..

Сделан *7/10-45*